

ИТОГИ 6 ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА

2 июля на 55-ом всероссийском Некрасовском празднике поэзии в Карабихе подведены итоги шестого всероссийского конкурса одного стихотворения гражданской лирики имени Н.А. Некрасова.

*Победителем конкурса стала **Наталья Елизарова** за стихотворение «Не доехав в Печоры и до Соловков...»*

Наталья Елизарова — член СП Москвы. По первому образованию юрист. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Автор поэтических сборников "Осколок сна" (Москва, 2006) и "черта" (Сербия, 2014), книги для детей "Мой ангел" (Иркутск, 2015) и публикаций в периодике. Участник российских и зарубежных поэтических фестивалей. Стихи переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, турецкий, даргинский, болгарский, венгерский языки.

Не доехав в Печоры и до Соловков,
не стяжав чужой и лихой судьбы,
гладишь ветер ладонью – он был таков,
а вокруг – ристалище, общий быт.
И покуда ближний, подняв копье,
всё окрест глазееет, куда вонзить,
ты тревожный воздух глотками пьешь
между сменой лютых, постылых зим.
Это – Русь, это – светлое место, где
между тьмою и сумраком – узкий лаз,
где и ветер воет в трубе – к беде,
где так яростен свет для глаз.
Где усталость – не повод «не быть в строю»,
где о счастье: «Слышали, где-то есть»,
равноценно, что плюшевый кот-баюн
вдруг заглянет на кухню, попросит есть.
Где и правым, и левым – одна стезя,
от дебатов выспренных проку нет,
где не любят прямо смотреть в глаза
и прокурена тень тенет.
Отчего же на старом, кривом мосту
каждый раз замедляешь свои дела, –
снизу – рельсы, ползущие в пустоту,
в те края, где сажа бела.

Дипломантами конкурса стали:

Никита Брагин, г. Москва – член Московского городского отделения Союза писателей России, со стихотворением «Перекоп».

ПЕРЕКОП

На пустынной равнине у мертвых озер
тонкой рябью, дрожащей от зноя,
горизонт расплывается, зыбкий узор
совмещает с небесным земное,
и палит все сильней, и вдали все черней,
и горячей золой потянуло,
и мерещатся гривы летящих коней,
и кипящие тучи в нарывах огней,
и раскаты подземного гула.

То из прошлого – беглый огонь батарей,
батальоны идут на Литовский,
и ладони раскинул апостол Андрей,
застывая в прицеле винтовки,
и каховская кровь прямо в соль Сиваша
иссякающими родниками
потекла и горит как вино из ковша,
и сквозь пух облаков улетает душа,
и земля превращается в камень.

Это память и родина, ветер и путь,
это зарево, пепел и слово,
это кровь обратилась в гремучую ртуть,
и по сердцу грохочут подковы...
Красным – кровь и огонь, белым – свет и слеза,
между ними лазурь небосвода,
и смолой золотою текут образа –
но когда же покинут война и гроза
неделимую душу народа!

Галина Булатова, г. Тольятти - член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан, со стихотворением «Улица Комзина в Тольятти».

УЛИЦА КОМЗИНА В ТОЛЬЯТТИ

В прибрежном обществе осин, подобен парусу на нефе,
Иван Васильевич Комзин увековечен в барельефе.
Он заслужил его вполне – масштабом, а не скорбной датой.
...Война утихла, по стране катился год пятидесятый.
Ещё в чернилах был закон, но сборы выдались недолги,
И самый мирный батальон пошёл на штурм раздольной Волги.
Шагал по улице Комзин,
красавец стати двухметровой –
От восхищенья Катя и Зин
светился окнами Портовый.

Иван Васильевич Комзин громаден был не только ростом.
Те девять лет и девять зим дались ему совсем не просто.
Великий кормчий вёл вперёд, не ослабляя португепи:
«Имей в виду, что Запад ждёт провала нашей эпопеи».
Пусть были жёстки времена и строги будни ради блага,
Но всё ж любили Комзина рабочие Кунеевлага.
Да, он умел людей беречь,
ему служили все законы,
И генеральские погоны
честней не видывали плеч.

В науке строить нет чудес, она умеет много гитик...
Гудят турбины Волжской ГЭС, ждёт Асуанская в Египте.
Он помнил, как был редок дождь, но капля каждая хранила
Всю бриллиантовую мощь награды Голубого Нила.
И в орденах родной страны стучало сердце человека,
Чьей дерзостью возведены, считай, полсотни строек века.
Закон суров – оправдан риск:
не уместив матёрых пальцев,
Мятежный телефонный диск
будил кремлёвских постояльцев.

Он потирал высокий лоб в предвосхищении успеха,
И не случилось без него б тольяттинского политеха.
Труду – учение не вздор, а суть полезное знакомство.
Он мыслил: время вить гнездо для инженерного потомства.
Провидец, сеятель добра, ведь дотянулись эти руки
До биостанции – ядра экологической науки.
Пред нею Ставрополь предстал,
 как сам Комзин, сенсационен...
Здесь лектор Любищев читал,
 и здесь же был он захоронен...

Под шум автобусных резин, летящих, будто жизнь земная,
Иван Васильевич Комзин о чём-то главном вспоминает.
О том ли времени своём, когда в кунеевских карьерах
Дымились сапоги на нём неимоверного размера?
О тех ли днях могучих дел, когда, показывая норы,
Он над собою не терпел партийных разных ревизоров?
О планах с нового листа?
 Ведь между гидро-рубежами
Так и осталась чертежами
 Переволокская мечта...

Максим Жуков, г. Евпатория – Председатель
Крымского отделения Союза литераторов
России, со стихотворением «Отделилась Малая,
отделилась Белая...».

Отделилась Малая, отделилась Белая,
Занялась Великая глупой суетой.
Зарядив Калашников, с парой однокашников
Вышел в степь донецкую паренёк молодой.

Не за долю малую, вызволяя Малую, –
Из сердечной склонности, танковой дугой, –
Изничтожить ватников, с группой соратников
Им навстречу двинулся паренёк другой.

Никому не нужные люди безоружные
В этот раз не кинулись скопом на броню.

Сколько их ни выяви, – добровольцев в Киеве
Явно недостаточно дать отпор Кремлю.

Веруя в красоты, с жадной справедливости,
Многие по трезвости, кто-то под хмельком,
Кучно, со товарищи, резко, угрожающе,
В чистом поле встретились парень с паренком.

Было то под Горловкой или под Дебальцево,
Может, под Широкино... Было! – ну и что ж? –
Ничего хорошего – продали задёшево
Паренька из Киева и другого тож.

Там на шахте угольной воздух перерубленный,
Техника горящая, крошево и жесь.
Злого, непостижного, возлюбите ближнего!
Украинца, русского – всех что ни на есть.

Оба, в общем, славные, парни православные,
Как лежитя вместе вам во поле вдвоём?
Спят курганы тёмные, солнцем опалённые,
Тишина над Киевом, тихо над Кремлём.

Евгений Каминский, г. Санкт-Петербург – член Союза российских писателей, со стихотворением «Девятое мая».

ДЕВЯТОЕ МАЯ

1. Старуха

От шумных улиц в стороне, по проходным дворам и водам,
уже не нужная стране, но все еще зовясь народом,
вдали от праздничных колонн, как тень, восставшая из ада, -
старуха – выжатый лимон – бредет, забыв, куда ей надо.

Пока великая страна чеканной поступью шагает
по главной улице, она все в ногу с ней не попадает.

За то, что выплыла в *потоп*, стерпела пятилеток пытку,
страна обязана по гроб ей в День Победы слать открытку...

«Прожить ведь можно и на рубль!» – вдолбить ей силится наука.
В себя старуха смотрит, вглубь, а там всё больше тьма да скука.
Что из того, что не жила?! Что из того, что отсидела?!
Бредет – не мать и не жена, а фигурант большого дела.

Что из того, что проклят век, зачищен от любого изма?!
Бредет – не бог, не человек, а так, строитель коммунизма.
Теперь уж больше не важна, бредет, отвержена толпою,
по жизни, поперек рожна, страны не чуя под собою.

2. Дом

Медленно летит стальная «баба»,
и душа сжимается: «Не на...»
но по взмаху грозного прораба
с тяжким вздохом падает стена,

открывая улице бесстрастно
всю изнанку жизни напоказ:
полосатый окорок матраса,
абажур, корыто, керогаз...

«Баба» печь холодную обрушит,
шваркнут чугуны по полу – вжик!
Выпорхнут чумадые их души
в небо, и ощерится таджик.

Гастарбайтер жалости не знает
к пережиткам прошлого, зане
тот, кто здесь не строит, а ломает,
тот ценим на родине вдвойне.

На чужбине люду пожилому
этому куда как не вперёд?!
Кто умеет резать по живому,
тот последним, истинно, умрёт.

Дом лежит: зияют раны окон...
Зоркостью ордынца знаменит,
гастарбайтер зрит орлиным оком,
как стекло на сколах кровенит.

Как, уже землистого оттенка,
словно насмерть раненный в живот,
шевеля обоями на стенке,
дом ещё мучительно живёт.

Юрий Кублановский, г. Москва –
сопредседатель Союза российских
писателей, со стихотворением «Кто
глядел на холку морской струи...».

Памяти Сергея Шмелёва (†1921)

Кто глядел на холку морской струи
за кормой, в черёд возвращенья веря.
Кто остался тут в Киммерии и
стал добычей в лапах мадьяра-зверя.
До бесцветья выжженные холмы.
В их лощинах вместо античных баек –
неужели все эти люди мы? –
на заре расправы

и гомон чаек,
так и несмолкающий посеичас.
Птичий грай, подобный обрывкам фраз.

Только у расщелины бледный мак,
изнурённый, выстрелов не боится,
понимая жизнь, очевидно, так,
что и, обрываясь, она продлится.
Ветер с моря лижет мою ладонь.
Не перекреститься. Не поквитаться.
Солнце мёртвых. Белый его огонь.
Я иду к нему,
чтобы там остаться.

Июнь 2018

Мария Махова, г. Иваново – член Союза российских писателей, со стихотворением «Дети пропавших лётчиков».

ДЕТИ ПРОПАВШИХ ЛЁТЧИКОВ

А дворовая безотцовщина тайно верила в папу-лётчика,
а Андрюха, невзрачный, маленький,
хоть и жил целый год за отчимом,
всё твердил, что он сын полярника,
ну, а мы были дети лётчиков.
В прошлом – праздники коммунальные,
коридоры большие, тёмные:
вот панельный дом на окраине, сзади поле и пруд с тритонами,
у меня есть кладовка, лампочка, где в субботу иль в воскресенье
я печатала фотокарточки, в красном свете,
забыв о времени.

Уплывали мечты за прочерки, рассыпались в цветное крошево,
мы же, дети пропавших лётчиков, знали что-то намного большее,
будто в нас где-то там поверили и наполнили чем-то доверху,
будто, падая с ветки дерева, всё равно мы взмывали к облаку.

Пощарапанные и грязные, мы ползли по оврагам первыми,
мы, естественно, были красными, никому не хотелось в белые,
и орали, но нет, не плакали, больно падая с битых великов,
а ещё воровали яблоки из окрестных садов и ели их.

Вырастала шпана дворовая, уходила в другие плоскости
и искала чего-то нового,
но не в небе и не на полюсе,
только где-то осталась всё-таки эта память за тенью плотною –
у Андрюхи была «будёновка»...
Негде взять было шлемы лётные.
Мир вокруг то стонал, то морщился,
врал с трибун, планы знал заранее,
ну, а мы были дети лётчиков, мы готовились к испытаниям,
и когда в небе гул и выхватит взгляд одну лишь полоску яркую –
это лётчики-истребители

вылетают
спасать
полярников.

Ольга Харламова, г. Москва –
член Союза российских
писателей, со стихотворением
«Белая Кувшинка».

БЕЛАЯ КУВШИНКА

– У меня на сердце
 белая кувшинка, –
так сказать могла бы
 Леся Украинка.
Я – не украинка
 и зовут не Леся.
В детстве окликали
 ласково «Олеся!»
Молоко парное
звали пить из кринки.
Там в пруду за хлебом
прятались кувшинки,
как дневные звёзды
по воде скользили.
Разумом постигнуть
тайну белых лилий
не стремилась, – просто
 после дойки жду
звёздного явления
 утром на пруду.
Выплывет ли к солнцу
хоть одна кувшинка?

Что-то с нами будет,
Леся Украинка.

Евгений Эрастов, г. Нижний Новгород – член Союза писателей России, со стихотворением «Я видел Рим, я видел эту синь...».

Я видел Рим, я видел эту синь
Нерукотворных фресок Рафаэля,
И чудо римских мраморных святынь,
И роскошь итальянского апреля.

Извилистые видел берега,
Причудливые камешки у мыса.
Там пиния изящна и строга,
И талия стройна у кипариса.

А на Востоке, где стоит луна
Ущербная, где дремлет старина
И рвется ввысь пирамидальный тополь,
Там Рим Второй, там древняя стена...
Я видел и тебя, Константинополь.

Наш Третий Рим страшнее первых двух –
Стрелецких казней сатанинский дух
Был русскими прочувствован и понят.
Наш Вечный Город не для слабаков –
Божественные сорок сороков
И отпоют тебя, и похоронят.

И как отметил старец Филофей
В скуфейке старой, вечности трофей,
«Четвертому не быть!» И как проказы
Боится мир, напичканный трухой,
Не русской смуты, подлой и бухой,
А этой гордой стариковской фразы...
